только на собственную совесть и собственное мнение, спокойный, уверенный, неторопливый. Одно его присутствие действовало на окружающих благотворно — им передавались его уверенность и спокойствие. И в науке у него, разумеется, был свой собственный путь. Те страницы истории нашей общественной жизни и нашей науки, которые связаны с К. И. Бабицким, принадлежат к числу самых светлых — таких, благодаря которым не исчезают радость и надежда в любое трудное время.

26 октября 1993 г. на факультете теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета состоялись чтения, посвященные памяти Бабицкого. Там собрались в основном лингвисты, хорошо знавшие Константина Иосифовича; присутствовали также его родные и близкие.

Чтения открыл Ю. С. Мартемьянов. Минуло 40 дней, сказал он, как ушел из жизни Константин Иосифович Бабицкий — своеобразный, серьезный ученый и замечательный, светлый человек. Имя Константина Бабицкого — Кости, Костеньки — в сознании лингвистов нашего поколения живо вызывает в памяти 60-е годы, время лингвистического Sturm und Drang'а, «бури и натиска», который привел к созданию у нас нового языкознания.

Джорджтаунский эксперимент с переводом текста на ЭВМ подвиг советские научные власти объявить создание машинного перевода делом государственной важности и тем самым разрешить смотреть на язык — явление сугубо социальное — как на предмет естественнонаучного исследования.

В этой деидеологизированной нише вместе с молодыми языковедами увидел свое место и инженер К. И. Бабицкий, почувствовавший в естественном языке заманчивый объект моделирующего описания. И уже в 1964—1967 гг. для изучения именного словообразования прилагательных [9] и синтаксиса сложного предложения [10] им были разработаны модели большой разрешающей силы.

Представитель точной науки, К. И. Бабицкий с самого начала считал естественным оценивать изучаемый предмет в терминах заранее созданной связной конструкции — будь то «сигнатура» (для соотносительного описания некоторой семантики) или «граф» (для описания структуры предложения); такую конструкцию неизбежно приходится оптимизировать, но как раз это он любил и умел.

Первое, что чувствуешь на пути к сути, перечитывая работы К. Бабицкого 60-х годов[1], — это благоговейную настороженность ценителя перед изощренностью постигаемого творения; а дойдя до сути, видишь нескрываемую радость мастера, воссоздающего глубинный замысел творца. Раскрывая в работе [9] пути развития предложенной модели, автор не смог не упомянуть (хотя бы в сноске) о тех замечательных следствиях, которые «сами собой» вытекали из этой синхронной модели для описания истории языка: «Любопытна возможность датировки правил табл. 1 и составления вариантов табл. 2, позволяющая "выводить" слова из словаря в фонетическом и орфографическом виде, отвечающем нормам заданной эпохи».

Остро переживая «момент истины», К. Бабицкий мгновенно оценивал объяснительную силу чужих построений, жадно в них вникал и не мог не поделиться своими открытиями с коллегами. Так было с порождающей грамматикой Н. Хомского. Восхищенный идеями автора, К. Бабицкий приложил максимум усилий для их убедительного перевоплощения на языке «родных осин» [15].

Так было и с первыми семантическими опытами Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ, на которые он откликнулся с глубоким интересом человека посвященного, искренне сочувствующего первопроходцам.

Возможность жить, занимаясь любимым делом среди увлеченных наукой друзей, была для Кости высшей радостью, и он щедро возвращал ее окружающим — будь то в качестве задушевного исполнителя-гитариста у подмосковного костра или «русского умельца» с «рембазой» для лыж в хибинском походе.

---

[1] В том числе самую раннюю [3].